

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ОБИТЕЛИ АФОНА

Часть 4

КАРАКАЛ

Каракалов монастырь расположен на склоне горы, откуда открывается прекрасная морская панорама. Историки полагают, что основание монастыря почти одновременно возникновению Иверской лавры. Строитель его, римский монах Антоний Каракалл, с разрешения Евфимия, управлявшего лаврой грузинской во время болезни Иоанна (его отца), приобрел землю, воздвиг богатый храм, соорудил высокие башни и здания келий и, собрав братию из единоплеменников, выходцев из Италии, учредил обитель с уставом св. Бенедикта. Это происходило в 980 году, до разделения Церквей, когда духовное общение между Западной и Восточной церквами не возбранялось, несмотря на существовавшие различия в обрядах и богослужениях. Но уже через семьдесят лет (в 1058 году), после того, как Константинопольский патриарх Михаил Керуларий заявил об отлучении Западной Римской церкви, монастырь Антония Каракалла, называемый Римским, начал испытывать неудобства положения среди православных греческих обителей, и его братство постепенно рассеялось, так что к концу столетия в нем не осталось ни одного римского монаха, и владение перешло во власть Прота, не замедлившего учредить в нем греческий общежительный монастырь¹.

Впервые о монастыре упоминается в XI веке, в булле императора Романа III Диогена (1071 г.), согласно которой он закрепляет за монастырем некоторые имения². Из всех бывших святынь и драгоценностей обители немногие сохранились в течение столетий; большинство их было унесено римскими монахами после известных событий 1040—1092 годов.

«Каракальские монахи, сколько мне известно, никогда не ходили в Россию за сбором милостыни, — пишет епископ Порфирий (Успенский). — Напротив, к ним приходил в 1584 году посланник Иоанна Грозного, Мешенин, и дал им сто рублей, да 27 скитникам семь рублей. Однако Каракаллу в городе Измаиле у Дуная, завоеванном нами у турков, принадлежит монастырь св. Николая. Из грамоты вселенского патриарха Иоанникия 1648 года, месяца июня, индикта 1-го, видно, что сей монастырь тогда числился в епархии митрополита Браиловского, что храм в нем почти совсем разрушился и что монахи Афоно-Каракальской обители взялись перестроить его с основания с тем, чтобы сей монастырь был отдан им как метох и был бы почтен достоин-

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Германов С. На Афон и Святую Землю. Ч. 1. На Афон. М., 1912. С. 457.

² Цацанидис Панайотис. Афон и русский Свято-Пантелеимонов монастырь. Салоники, 2017. С. 130.

ством ставропигии. Они сделали свое дело. А в каком состоянии находится этот метох ныне и сколько дает дохода Каракаллу, это мне неизвестно»³. «В Москве этот монастырь имеет часовню, а в городе Измаиле у Дуная — монастырь св. Николая. Не знаю, когда и с чьего дозволения Каракалл устроил оную часовню»⁴, — добавляет епископ Порфирий.

Иеромонах Паисий (1867 г.): «Мы поехали в Каракал, монастырь греческий, но управляемый игуменом болгаринном; здесь живут и русских четыре человека, из коих с двумя мы встретились и поговорили прежде, нежели воспользовались угощением. Мы попросили их отворить нам соборную церковь, и там приложиться к частям св. мощей, которые выставлены были для нас в алтаре на жертвеннике; здесь мы немного не застали литургии, и чтобы вовсе не лишиться участия в оной, мы взяли антидор и пили только что освященную воду для подкрепления сил своих»⁵.

Во второй половине XIX века в монастырь пришли русские монахи. Их попытка утвердиться в Каракале привела к столкновению с греческими монахами. Противостояние закончилось победой греческих монахов и выселением русских⁶. В начале XX века монастырь был благоустроен; братия в нем была довольно многочисленная, исключительно греческой национальности⁷.

КАРЕЯ — МОНАШЕСКАЯ СТОЛИЦА АФОНА

Карейя — это центральное место всего Афона, где находится Протат, заведующий управлением всех афонских монастырей; там же имел свое местопребывание турецкий *ага*, представитель гражданской власти Афона. Главная святыня Карейского скита — это чудотворная икона Божией Матери под названием «Достойно есть»⁸.

Расхожее объяснение названия *Карейя* — от греческого слова *кари́* — глава, череп, лобное, главное место. Но вот что писал по этому поводу архимандрит Порфирий (Успенский): «Афонская Карейя в старинных хартиях писалась ΚΑΡΥΑΙ, по нашему *Орехов*: а дидакалы, не видав их, и ежедневно слыша ходячее название *Карейас*, произвели оное от слова *кара* — череп, и сказали, что Карейя названа была *Черепником* от того, что при копании основного рва для тамошней соборной церкви нашли множество черепов: что и быть могло, потому что до появления монахов на Афоне жили там христиане мирские, которые при своих церквях кладбища»⁹.

Из челобитной прота Св. Горы Паисия, поданной великому князю Василию Ивановичу в 1509 году старцами Афоно-Русского монастыря Василием, Симеоном и Иаковом, видно, что в 1508 году архидиакон сего монастыря Пахомий и бывшие с ним находились в Москве и принесли оттуда реченному проту *сто шестьдесят златниц*, пожалованных великим князем Василием, и что сей прот принял их вместе с именами родителей сего князя, Ивана и Софии, и, раздав их во все монастыри, велел вписать эти имена в проскомидийные помянники и совершить всенощное бдение¹⁰. В 1509 году,

³ Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Т. 1. М., 2007. С. 894.

⁴ Порфирий (Успенский), епископ. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты. Ч. 2. Отд. 2. 1846 г. М., 1880. С. 247.

⁵ Дневные заметки во время путешествия по святым местам Востока Саровской пустыни иеромонаха Паисия 1866 года. Казань, 1881. С. 26—27.

⁶ Цацанидис Панайотис. Афон и русский Свято-Пантелеимонов монастырь. Салоники, 2017. С. 131.

⁷ Германов С. На Афон и Святую Землю. Ч. 1. На Афон. М., 1912. С. 458.

⁸ Путеводитель по святой Афонской Горе. Изд. 5-е. М., 1888. С. 118.

⁹ Порфирий (Успенский), архимандрит. Второе путешествие по Святой Горе Афонской в годы 1858, 1859 и 1861, и описание скитов афонских. М., 1880. С. 253.

¹⁰ Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Т. 1. М., 2007. С. 887.

24 июня, тот же князь Василий со старцами Руссика Симеоном и Иаковом послал проту Паисию пять сороков соболей и 5000 белок во все монастыри Св. горы игуменам и братии, а проту сему писал грамоту, извещая его о своей милостыне и напоминая, чтобы молились о здравии его и об упокоении усопших родителей. Другой грамотой известил он прота о своем дозволении посылать в Россию монахов для сбора милостыни¹¹.

В 1515 году в Москве побывали старец Мелетий из Великой лавры и духовник Ватопедского монастыря Нифонт. Они возвратились на Афон с послом великого князя Василия Василием Копылом, который доставил проту Св. горы Симеону 1000 рублей на помин души Иоанна III и великой княгини Софии Палеолог и столько же в дар от Василия Иоанновича¹². В своей грамоте великий князь Василий известил прота Симеона и всех игуменов Св. горы, что он послал с их старцами и со своими людьми большую милостыню, по приказу отца своего и матери своей княгини Софии, 1000 рублей и от себя столько же для раздачи во все монастыри, ради молитв за усопших родителей и предков, и о своем здравии, и о великой княгине Саломонии, и о своих детях (которых еще ожидал), и об устройении всего православного христианства, и о победе над врагами, обещая и впредь, доколе дозволит Бог, дозировать обители афонские¹³.

Прибыв на Афон в 1654 году, Арсений Суханов подал Протату Афонской горы грамоту патриарха Никона, которую старцы прочли с «подобающим благоговением вся по реду»; он передал также и посланную на Афон царскую милостыню «3700 талеров и 50 сорок гарнистан (соболей) за 580 талеров». Эта богатая милостыня имела своим следствием то, что к желанию московского правительства приобрести часть афонских рукописей старцы отнеслись благосклонно. Они позволили Арсению самому выбирать из монастырских библиотек рукописи для Москвы¹⁴.

Один из российских паломников — о. Аникита (Ширинский-Шихматов), посетивший Св. гору в 1835 году, писал: «Карейской скит, ныне яко общее торжище святогорских отшельников, где они каждую субботу собираются для продажи своих рукоделий и покупки жизненных потреб, имеет вид маленького городка. В соборной церкви есть чудотворная икона Божией Матери (к которой я грешный сподобился приложиться) весьма почитаемая всеми святогорцами и в Пасху обносимая по Святой Горе для благословения»¹⁵. В Карее о. Аникита навещил жившего там на покое архиерея Панкратия. «Уже 35 лет безмолвствует святитель сей на Святой горе в посте и молитве и богомыслии и есть воистину муж преподобный, — пишет о. Аникита. — Принял он меня многогрешнейшего с великой любовью и отпустил с благословением, обещав и сам посетить меня в Ильинском нашем скиту и удостоить меня сослужением с ним пред престолом Божиим»¹⁶.

В Карейском Протате

Из записок архимандрита Порфирия (Успенского) (1846 г.)

В Карейском храме нашел меня иверский архимандрит Серафим, живший в Тифлисе, и пригласил в Протат, то есть в горницу, в которой заседают монахи, предста-

¹¹ Там же. С. 887.

¹² Романенко Е. В., Турилов А. А. Русско-афонские связи в XI—XVII вв. // Православная Энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 150.

¹³ Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Т. 1. М., 2007. С. 888.

¹⁴ Белокуров Сергей. Арсений Суханов. Ч. 1. Биография. М., 1891. С. 340.

¹⁵ Жмакин Василий, свящ. Путешествие иеромонаха Аникиты (в мире князя С. А. Ширинского-Шихматова) по святым местам Востока в 1834—1836 годах // Христианское чтение, 1891. Ч. 1, май—июнь, С. 530—531.

¹⁶ Там же, С. 530.

вители двадцати монастырей афонских, шепнув мне на ухо, что там покажут моему любопытству пресловутый *Трагос*, т. е. кожу козла, на которой написаны древние узаконения для афонских монахов. Услышав это, я охотно пошел туда, дабы видеть старинную диковину, которой не видал наш Барский, хотя и слышал о ней. Я исполнил совет его, перекрестился и вошел в Протат. Что же увидел?

Мы вошли в небольшую горницу, устланную циновкой, обставленную нероскошными диванами в вид буквы П, и увидели сидящих на нем по-турецки *еписматов*, Ватопедского и Кутлумушского, а близ двери за особым столиком — письмоводителя диакона Мельхиседека. Они посадили меня на диван. Начался разговор.

— Спутник мой Серафим сказал: покажите Трагос о. архимандриту Порфирию — он желает взглянуть на него.

— Еписматы отвечали: К сожалению, наше собрание разошлось; остались мы двое, да письмоводитель.

— Я проговорил: покажите завтра.

— Нет, — возразил о. Серафим; — всех созовите сегодня вечером и покажите Трагос дорогому гостю.

После этого возражения еписматы переглянулись между собой сомнительно. Я подумал, что они не хотят угодить мне и сказал им: отцы святы! Содержание Трагоса известно мне, и не только известно, но даже перебелено мною, со списков, какие нашел я в монастырских библиотеках. Я желаю видеть только форму и почерки Трагоса.

Выслушав это, Ватопедский еписмат, высокий и рыжий монах, встал с дивана, нагнулся, и начал пальцем своим водить по полу и чертить мне длину и ширину Трагоса. Все прочие смотрели на него внимательно: а я, скрестив руки на груди, поднимал свои плечи и внутренне смеялся над мужиком, который вздумал дать мне понятие о рукописи, чертя ее сальным пальцем на полу. Кончилась эта маленькая комедия. Я снова настоял на своем. Тогда Кутлумушская, старая и седая, лисица, пробормотала, что Трагос взят из Протата в какой-то монастырь. Эта ложь взволновала меня; и я в сильном волнении души проговорил еписматам следующую проповедь по-гречески:

— «Преподобнейшие отцы! Ваша Гора Святая есть хвала Православия. Россия уважает ее, но, уважая, желает знать историю ее. Как же написать эту историю, когда вы скупы, очень скупы на выдачу нам ваших древних дееписаний? Мне могли бы вы давать их для прочтения и переписки, потому что я архимандрит православный, знаю эллинский язык основательно, и пламенно желаю оповестить всем судьбы пресловутого и целомудренного Афона. Но вы почему-то мало любите нас, и предпочитаете нам французов и англичан, которые на личные приветы ваши отвечают лицемерной почтительностью, а расставшись с вами, презирают и даже осмеивают вас. Недавно был у вас француз Минас и обокрал ваши библиотеки: но вы носили его на руках своих. Недавно был у вас профессор русского университета Григорович: но вы показали ему кое-что, а в Симопетрском монастыре говорили: дайте этому жиду поесть, и пусть идет далее.

Не понимаю: чем мы породили в вас нерасположенность к нам. Русская кровь лилась за вашу свободу на полях Молдавии и Валахии, в Болгарии и за Балканами, в водах Чесменских и Наваринских. Русский царь не позволяет молдовлахам отнимать у вас богатые имения, без которых ваши обители могут только нищенствовать. А что будет с вами, когда он узнает о вашей холодности к нам? Подумайте об этом. До сей поры мы приходили к вам, как к друзьям, и потому не представляли вам ни поручительных писем вселенского патриарха, ни фирманов султанских. А ведь, можем являться сюда с фирманами и с турецкими чиновниками. Но такое появление для нас тяжело, а для вас хоть и почетно, но стеснительно».

Я замолчал. Старцы сдались и обещались показать мне *козла* с написанными на нем уставами. Усталость и взволнованность удержали меня от обозрения монашеского училища, выстроенного в Карее в 1844 году 15 апреля. Я воротился в Кутлумуш <...>

В десять часов по полуночи мне принесли завернутый в белую бумагу и запечатанный тремя печатями свиток, и сказали: вот вам Трагос. Я распечатал его, развер-

нул и осмотрел. Что же оказалось? Оказались длинные листы выделанного пергамина, на которых написаны уставы царей Иоанна Цимисхия и Константина Мономаха и еще кое-что. Ни один лист видом своим не походил на цельную кожу козла. Меня озадачило раздумье: или эти листы называются *Трагосом*, потому что выделаны из козлиной кожи, или мне показаны только списки с него.

К этому раздумью примешалось негодование. Однако я совладал с ним, и, сверив свои списки оных уставов с принесенными мне манускриптами, отподобил почерк их и подпись Иоанна Цимисхия. Производя же эту работу, убедился, что у меня под руками копии, а не оригиналы. Это убеждение еще более усилило негодование мое на властных епископов Карейских, и я решил уехать в Руссик. Но на мое требование мулов кутлумушских отвечали, что эти животные пасутся вдали. Тогда я послал гонца в Руссик за мулами. Волнение мое не улеглось. Негодование мое продолжалось. На беду вошел ко мне в келью один архимандрит Кутлумушский. Я встретил его сурово, и, между прочим, говорил ему: «скажите епископам, что архимандрит Порфирий — не дитя малое и глупое; обмануть его нельзя, и зачем обманывать, когда ему известно содержание Трагоса? Я отрясаю прах от ног моих, и оставляю при вас ложь вашу».

Церковное било деревянное позвало меня к вечерне. Я сошел в церковь и помолился. Молитва утишила мою бурю¹⁷.

Из записок иеросхимонаха Сергия (Веснина) (Святогорца) (1847 г.)

Протат, или просто присутственная комната, чисто в азиатском вкусе. Стены и потолок грубо окрашены — ни одной картины, ни одного вида по стенам; только на восточной висит небольшая икона, и среди потолка начертаны литеры ІС. ХС. С трех сторон, близ самых стен, расположены богатые диваны, под красным сукном, и разложены по ним цветные подушки, на полу развита циновка изящной работы, и среди комнаты поставлен огромный медный мангал (жаровник), с потухшими уже угольями, некогда теплившими воздух Протата. Западная часть присутствия отделена легкой решеткой. В юго-западном углу комнаты, тоже за решеткой, письменный столик секретаря, с выдвижными для бумаг ящиками. Секретарь — инок родом влах, и, по обыкновению деловых писак, в очках....

Лишь только что я уселся при решетке, отделяющей от Синода архив, тихий голос из-за нее спросил меня: «вы, верно, русский»? — Да, — отвечал я, быстро обернувшись на ту сторону, с которой доходил до меня этот вопрос на родном моем языке. — «Какой же вы губернии?» снова спросил меня тот же голос. Я обернулся, пристально поглядел на моего соседа, и сердце мое невольно прошептало: какой удивительной наружности старец!... Действительно, вопрошавший меня имел длинную, широкую и седую бороду; в потухающих очах его просветливался ум; самое платье обличало в старце немаловажного чиновника в Протате. Да почти же он за решеткой? думал я. Однако, не любопытствуя кто он, и имеет ли какое значение в Протате, я отрывисто отвечал на вопрос его: я из Вятки, то есть далеко из-за Москвы — О-о! — воскликнул он, — далеко же! А я так, — продолжал он, — из Таганрога. «А как давно вы здесь?» — еще спросил меня мой сосед. — Более трех лет, — отвечал я. «Не так давно, — заметил он; а я так около тридцати лет уже здесь». Начавшееся чтение и спросы по нашему делу прервали мою беседу со старцем... Я отвернулся от соседа, и он замолчал, неподвижно оставаясь за решеткой в полулежачем положении, на богатом диване...¹⁸

А. Н. Муравьев (1849 г.): «В недавно напечатанном *Каталоге всех Святых Афонских* помещен неведомый пресвитер нашего посольства, Константин, который в 1748 году, по неудовольствию с посланником, бежал и потурчился, а потом удалился на Св.

¹⁷ Порфирий (Успенский), епископ. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты. Ч. 2. Отд. 2. 1846 г. М., 1880. С. 295—298.

¹⁸ Письма Святогорца о святой Горе Афонской. Изд. 8-е. М., 1895. С. 305—306.

Гору в Лавру, и, покаявшись, возвратился в Царьград, для исповедания имени Христова и венца мученического. Это для меня была новость, пока я не увидел сего Константия на общей иконе всех Святых Афонских в Синодальной зале Протата, и не прочел его имени в лике угодников Божиих, коими хвалится Лавра»¹⁹.

Во время Крымской войны (1853—1856) по приказанию турецких властей патриарх предписал афонским монастырям молиться за успех турецкого оружия. Протат созвал всех игуменов, и после долгих споров постановили предоставить дело на волю каждого из монастырей. Три из них решились исполнить предписание; остальные же отказались наотрез²⁰.

Из записок Б. П. Мансурова (1857 г.)

Мы все отправились в Протат, где мы хотели приветствовать всех афонских старшин, представителей монастырей и скитов. Все члены Протата собрались при вести о прибытии русских посетителей, — приняли нас отменно хорошо, осыпали ласками и изъявлениями благодарности за то, что Россия не забывает Афона, и что Общество пароходства избрало Святую Гору в число пунктов пристанища.

Старцы обещали нашему Обществу от имени всех обителей благословение, живейшее сочувствие и искреннюю признательность; они сказали, что Афонская Гора давно уже чувствует необходимость сообщения с православным миром, а в особенности с Россией, от которой она ожидает и привыкла получать покровительство и действительную помощь <...>²¹ Члены Протата присовокупили, что Русское Общество возбудит новую жизнь на Афоне, и что Св. Гора счастлива тем, что будет одолжена именно России увеличением своего благосостояния²².

Из записок князя Михаила Волконского (1859 г.)

Мы поехали на Карею, потому что меня просили побывать в Протате. Получив уведомление о моем путешествии на Св. Гору от нашего консула в Салониках, старцы Синода непременно хотели видеть меня и принять всем присутствием с почестью, о чем писали в Руссик, и чего я очень не желал, даже поспорил с моими спутниками, но не мог отказаться, и приехал в Карею на кунак или монастырское подворье. О моем приезде дали знать Протату; поверенный монастыря повел меня в собор, начался колокольный звон, и встретили меня два каваса. В соборе была обычная торжественная встреча, к которой пришли все члены Синода, диакон из болгар читал ектению по-русски и поминал нашего Государя, что всегда приятно сердцу русского, далеко от отчизны.

Я приложился к св. мощам и той чудотворной иконе, которая теперь сопутствовала мне, с благословением русского монастыря до отечества. После того пригласили меня в Синод, и я получил благословение от представителей всех монастырей афонских и просил их старческих молитв. В собрание пришел и ага турецкий; он был в плену в России, жил в Киеве и говорит несколько по-русски, так что он и еще один из болгарских старцев служили мне переводчиками при разговоре с прочими. Меня спрашивали, зачем я не прожил долее на Св. Горе, соболезновали, что я не успел посетить всех обителей, желали знать, был ли я доволен приемом, говорили, что они всегда рады посещению русских и всегда молятся за единоверную Россию и за нашего Государя, и благодарны за дозволение производить у нас сборы.

Обращаясь к старшему, только по чести, представителю Лавры св. Афанасия Афонского, я благодарил за прием и за радушие, которое встретил во всех монастырях и уверял их в искреннем усердии всех русских к Св. Горе и ее святыням, просил мо-

¹⁹ Муравьев А. Н. Письма с Востока в 1849—1850 годах. Ч. 1. СПб., 1851. С. 210.

²⁰ Брандт А. Ф. На Афоне. Из путевых заметок. СПб., 1892. С. 236.

²¹ Мансуров Б. П. О посещении афонских монастырей // Морской сборник, № 10, 1857. С. 214.

²² Там же. С. 215.

литв их для себя и для любезного отечества и за нашего Государя; просил их хранить любовь к русским монахам, живущим на Св. Горе, далеко от родины, единственно из единоверия и усердия к Богоматери и Св. Горе Афонской, где прославились столько подвижников. Угощение было по-восточному, но без трубки. Ага также просил меня зайти к нему и угощал трубкой. После того был я в училище, где также нашел собранными всех членов Протата²³.

Из записок Б. К. Зайцева (1926 г.)

Мы в приемной Священной Эпистасии, или Протата Афонского. Протат — учреждение очень древнее. Оно пережило турок и действует при теперешнем греческом правительстве — собрание представителей монастырей, своеобразная дума монашеской республики. По древней своей славе монастыри Афона ставропигиальны, то есть подчинены не местной епархии, а прямо Вселенскому Патриарху. Фактически же управляются вот этим Протатом.

Присутствие еще не открывалось. Один за другим поднимались со двора по лесенке и проходили через нашу галерейку важные и полные греческие монахи — черные, курчавые, с небольшой, тугой, завязанной узлом косицей на затылке. Они раскланивались приветливо и слегка покровительственно. Когда все оказались в сборе, один из них, бывший в России и говорящий по-русски, вышел к нам и попросил меня в Протат. Мы вошли в большую комнату с диванами по стенам. На диванах заседали эпистаты. Прямо против входа у стены резное кресло (мне показалось даже — на возвышении) вроде трона, и на нем «первоприсутствующий», председатель Эпистасии. Меня усадили на диван. Узнав, что я не говорю по-гречески, председатель стал задавать вопросы через эпистата, введшего меня. Я отвечал, а больше рассматривал окружающее.

Разговор шел в очень любезном тоне, расспросы касались России, меня, моей семьи, профессии и т. п. При каждом моем ответе «царь» (как я его про себя назвал) вопросительно оборачивался к переводчику, так что я каждый раз видел его смоляно-черную косичку — и, выслушав ответ, кивал мне благосклонно-покровительственно, говорил: Кала, кала! (Отлично, да!) — с таким видом, что заранее ему известен был мой ответ и заранее он все понял и одобрил.

С первой минуты показалось нечто среднее между советом десяти в Венеции и Карфагенским сенатом — в христианской транскрипции. Так и не знаю до сих пор, с чем сравнить в точности, но косицы и рясы, древние иконы по стенам, литографии, пряность глико, раки, сладостность языка, мягкость диванов, медлительная лень движений — все слилось в дальнюю, заветную экзотику.

Средневековый секретарь, с пером за ухом, с острым, похожим на Гоголя профилем, в это время строчил бумагу — мой новый «паспорт». Окончив, стал обходить эпистатов. Они вынимали из недр карманов под рясами кусочки металла и давали ему. Он собрал, возвратился к месту, свинтил кольцом все эти секторы и приложил к бумаге торжественную и прекрасную печать — Дева Мария с Младенцем — знак того, что все монастыри св. Афонской горы дают мне покровительство и оказывают гостеприимство. Председатель прочел, кивнул, сказал свое «кала» и любезно подал мне. Оставалось не менее любезно благодарить²⁴.

На Карейском базаре

Из записок Н. А. Благовещенского (1858 г.)

Ко времени приезда Н.А. Благовещенского на Афон, торговля изделиями местных монахов была в расцвете. Сюда привозили свои поделки насельники из окрестных монастырей, в том числе и из русских обителей.

²³ [Волконский М. Д.] Записки паломника. 1859 г. СПб., 1860. С. 348—349.

²⁴ Зайцев Б. К. Афон // Сочинения. Т. 2. М., 1993. С. 212—213.

Добытые в миру ремесла и знания (кроме научных) на Афоне не пропадают даром и все — башмачники, портные, печники и столяры остаются при тех же званиях и в монастыре, — пишет русский автор. — Афон строится, одевается и обувается своими (собственными) трудами, и таким образом мелкая торговая промышленность кипит во всех уголках Горы, приготавливая все нужное на потребу братии. Но ремесла мирские здесь не так выгодны, как выделка вещей, которые составляют исключительное производство Афона и сбываются многолюдным поклонникам его. К изделиям такого рода принадлежат кресты, четки, иконы и другие вещи, в огромном количестве закупаемые приезжими богомольцами. Поэтому-то большинство афонских тружеников, кроме других работ, занимаются и этим ремеслом. Они режут из дерева или из единороговой кости разной величины кресты, с мелкими изображениями на них священных событий. Режут небольшие, выпуклые иконы; режут, наконец, деревянные ложки с благословляющей рукой, и, надо сознаться, что некоторые из этих работ отличаются изумительной тонкостью, и много говорят о громадном терпении монашеском. Есть артисты, что содержат мастерские и занимаются резьбой в больших размерах; они режут целые иконостасы с затейливыми орнаментами и заправляют разными работами при отделке монастырских зданий. Некоторые монахи, чтобы не утомлять себя кропотливой работой, заказывают металлические формы и, размягчив в кипятке единороговую кость, оттискивают на ней иконы. Такой работой занимаются преимущественно русские²⁵.

Пытливый автор не отказал себе в удовольствии описать местный базар — основу экономической жизни Афона.

По субботам, в базарные дни, на главной улице Карее ставится ряд столов и на них монахи горами наваливают кресты, четки, иконы и другие произведения Афона. Городок оживляется, монастырь толкается между столами, снуют приезжие поклонники <...> На этих базарах не слышно ни криков, ни шумного спора, все как-то обходится тихо и мирно: продавцы никому не навязывают своих изделий, а смиренно стоят у столов, опустив головы, и ждут кого пошлет им Господь. Купят рукоделье — келиот на вырученные деньги тут же покупает себе съестные припасы на целую неделю и материалы для дальнейших работ; не купят — молча сваливает свой товар в торбу и тащит его в свою келью до следующей субботы. Если народу мало в Карее, то на базаре полная тишина, и продавцы, стоя за столами, правят часы и тянут на четках каноны. Три раза в год — в Рождество, Пасху и Успенье в Карее бывает ярмарка. К этим дням из Солуни привозят на Афон большие тюки с товарами, и игумены монастырские закупают для братии материю и кожу, из которых потом они шьют себе рясы и обувь. <...> Со всех окрестностей свозят сюда петухов, и пение их день и ночь раздаётся над Кареей. Замечательно, что без куриц петухи живут между собой очень дружно, вместе прогуливаются и сидят на жердях и огородах, заливаясь по очереди песнями, а если и дерутся, то очень редко. На петухов огромный запрос в монастыри штатные и некоторые кельи, и не раз случалось мне видеть старцев, возвращающихся из Карее с петухами подмышкой. Тут же идет оживленная торговля котами, на страх крысам святогорским²⁶.

Некоторые монахи-мастеровые имели в Карее свои постоянные лавки; среди них были и выходцы из России. Об одном таком умельце рассказывает Н. А. Благовещенский.

В Карее стоит башмачная лавка о. Исаии, чеботаря, и сам старик тут же сидит с дратвой и шилом. Лавка его как-то боком выдвинулась на главную улицу, и пото-

²⁵ Благовещенский Н. А. Среди богомольцев. Афон. Путевые впечатления. Изд 2-е. СПб., 1872. С. 102—103.

²⁶ Там же. С. 108—109.

му редкий монах не зайдет в нее побеседовать. О. Исаия говорун большой руки, особенно если дело коснется похода Наполеона на Россию (он малоросс). Сорок три года живет он в Карее, знает все окрестные тайны и за свое покровительство русским монахам и поклонникам прослыл по всему Афону за русского консула. Любят о. Исаию монахи за его откровенную словоохотливость и издалека приходят к нему за советами и свежими новостями. Зайдешь, бывало, к нему, — старик обрадуется, посадит на табурет и начнет сообщать, по секрету, что о. Паисия посадили на хлеб, на воду за непослушание, что Геронтий вчера убежал куда-то из монастыря, а Ипатий себе рясю новую шьет. <...> Слушают монахи эти вести и потом разносят их по всему Афону. Вдали толпа расступается и по улице важно проходит ага турецкий в сопровождении слуги, который несет за ним длинный чубук и кисет с табаком, а о. Исаий в это время шепчет мне, как ага был в плену в России и два года таскал камни для киевских укреплений²⁷.

Из записок И. З. Черкасова (1889 г.)

Среди самой Карее сосредоточена вся внешняя деятельность афонская, и каждую субботу бывает базар, в открытых лавках его, устроенных при монастырских подворьях: продаются преимущественно монашеские изделия, необходимые для поддержания скудного быта пустынников и отшельников. Меня здесь особенно удивила многочисленность монашествующих и их разнообразие, — на базаре были русские, греческие, болгарские, молдаванские и грузинские великие старцы, и строгие подвижники, украшенные сединой. Стекшись, по своей бедности сюда со всех мест и ущелий Св. Горы для сбыта своих рукоделий, вырабатываемых ими нередко весьма замечательно по искусству и чистоте отделки, например, кресты, иконы, четки, ложки и разные благовонные масла, — пустынножители на вырученные от продажи труда рук своих деньги содержат себя: покупают на базаре все для своего существования, хлеб, одежду и проч. Я дивился особенно чинному и скромному базарному торгу, ибо посреди многочисленного собрания иночествующих царствовала удивительная тишина. Они большей частью безмолвствовали и только кротким взглядом и с легкой братской улыбкой вполголоса приветствовали друг друга, сбывая свои рукоделия и покупая нужное для себя, унося купленное в свои недоступные жилища. На базаре только и слышен был топот ног, да на разных наречиях приветствия: благословите, простите, помолитесь обо мне, прошу ваших св. молитв, спаси вас Матерь Божия, Бог да помилует тебя! и т. п.²⁸

Собор Успения Богородицы

А. Н. Муравьев (1849 г.): «С западной стороны, по обычаю Афонской Горы, во всю стену написана величественная картина Успения, и над нею спящий Младенец Христос, „почи яко лев, кто возбудит его“? два чудные Архангела стоят по сторонам. Я снял с них верные копии для подражания в России. Услышав, что старцы Протата хотят обновлять свой великолепный храм и уничтожить живопись Панселина, чтобы заменить древние сокровища новой неопытной кистью, как это случилось уже во многих обителях, я умолял их о сохранении лучшего их сокровища, которое дороже всякого металла, ибо другого Панселина нет в Европе. Они благодарили меня за усердие к их святыне и обещали пощадить ее; надобно, однако, пользоваться остатками и не терять времени»²⁹.

Князь Михаил Волконский (1859 г.): «Мы посетили в Карее собор Успения Пресвятой Богородицы; он велик и весь расписан Панселином; фрески хотя полиняли, но

²⁷ Там же. С. 109—110.

²⁸ Черкасов И. З. Глас с Востока о святых местах Афона и Иерусалима. Ч. 1. Киев, 1895. С. 93.

²⁹ Муравьев А. Н. Письма с Востока в 1849—1850 годах. Ч. 1. СПб., 1851. С. 168.

довольно сохранились, и к чести Протата или карейского Синода должно сказать, что они не были исправляемы и не попорчены иконниками. Они представляют образцы лучшей греческой иконописи и сделаются очень полезными для иконописцев, если будут сняты под руководством г. Севастьянова, который этим занимается. За престолом, на горнем месте, чудотворная икона Богоматери, перед которой ангел воспел *Достойно есть яко во истину*. Эта икона весьма уважается на Афонской горе и украшена довольно великолепно; есть еще чудотворная икона Богоматери и части св. мощей»³⁰.

Архимандрит Антонин (Капустин) (1860 г.): «*Паррисии* (помянники) позднейшего времени (а именно: 1650, 1834 и 1851 гг.) есть в самой церкви в алтаре. В древнейшем из них ктиторами названы только императоры: *Никифор* (Фокá) и *Иоанн* (Чимиский) и кроме них еще один монах Афанасий. За ними записаны имена многих архиереев. А в третьей статье заповедано помянуть „имена Царей России и простых“. Имена эти записаны в следующем порядке: „(И)вана Ивановича князя, Андрея князя, Симеона, Юрия, Бориса, Варлаама, Георгия, Елены, Анастасии, Марии, Иоанна, Елены, Деспины, Софии, Василия, Иоанна, Ивана, Матвея, Георгия, Ивана, Гавриила, Никифора, Анны, Параскевы, Матфея, Иеремии Ована, Иоанна, Виктора, Иоанна(ы), Анны, Марии, Магдалины». Позднейшей рукою приписано: «*Сараины, Анастасия, Георгия, Георгия*“.

Замечательно, что имя *Иоанна* читается четверояким образом. Слово: *Деспина* есть ли собственное имя, или оно означает госпожу, т. е. государыню, и должно относиться либо к Елене, либо к Софии? На основании самой записки решить этого нельзя. Имя *Сараина* тоже подлежит исследованию. В новых помянниках указано помянуть „любомилостивых, благочестивых и православных христиан русских, пожертвовавших церкви два архиерейских облачения и другие священные одежды“. Имена их однако же не означены, названы только „приснопамятными“. Зато в числе ктиторских имен читается и имя блаженной „графини Анны Алексеевны“»³¹.

Д. Айналов (1896 г.): «Протатский собор Успения Богородицы весьма важен для русского. Собор оригинален в том отношении, что представляет тип храма XII столетия, построенного в виде базилики, а не купольной церкви. Верх ее деревянный. Алтарная часть имеет такую же триумфальную арку, как и западные базилики XII века в Италии и Сицилии. Этот тип базилики крайне редкий на Востоке в XII веке, тем не менее, по-видимому, встречался иногда и на Руси, как свидетельствует наша летопись и сохранившиеся развалины одной такой церкви (Юрьевой Божницы в Остре, на Десне)³².

<...> О. Дионисий рассказал мне некоторые любопытные эпизоды афонской жизни и, между прочим, о том, как однажды в Карее купцы завели в гостинице „машину“, которая своими песнями разбудила тихий Афон и поселила страшное возмущение в душах монахов. Он постепенно изложил, как собирались епитропы всех монастырей на совет, какая шла борьба и как одержала верх партия благочестия, и „машина“ была изгнана с Афона с позором. Русскому представителю в этом деле выпала самая видная роль»³³.

Б. К. Зайцев (1927 г.): «Я ходил еще раз в Карею. Хотелось увидеть древний ее собор и греческие фрески. Ни то, ни другое не обмануло. Собор, пятнадцатого века, невелик, несколько сумрачен, полон тусклого золота, удивительной резьбы, тонкой чеканной работы на иконостасе. Из глубокого купола спускается на цепочках „хорос“ — металлический круг изящной выделки, необходимое украшение всех греческих соборов на Афоне. Карейский собор считается первоклассным памятником греческой живописи. Его расписывал знаменитый Панселин, глава так называемой „македонской“ шко-

³⁰ [Волконский М. Д.] Записки паломника. 1859 г. СПб., 1860. С. 332—333.

³¹ Антонин (Капустин), архимандрит. Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. С. 126—127.

³² Айналов Д. По Афону // СППО, 1906. Т. XVII. Вып. 4. С. 650—652.

³³ Там же. С. 646—647.

лы. Фрески Панселина — XVI века. Они монументальны, очень крепки, несколько суровы. *К сожалению, их подновляли*³⁴.

Игумен Н (1997 г.): «В центре городка, за полосатой колокольной, сложенной из перемежающихся рядов белых блоков известняка и красной кирпичной кладки, прячется невысокий Успенский соборный храм Кареи, построенный в форме византийской базилики с наружными контрфорсами по бокам и хорошо сохранившимися фресками XIV века внутри. В алтаре, на горнем месте, хранится чтимая всем православным миром икона „Достойно есть“, перед которой архангел Гавриил впервые воспел теперь всюду известную похвалу Божией Матери. Помолившись перед этим чудным и благодатным образом, который украшен русским окладом позолоченного серебра, мы не смогли удержать переполнявшие нас чувства и запели „Достойно есть“ по-славянски»³⁵.

Из записок Георгия Фокина (2001 г.)

Для православных всего мира Карея известна как хранительница подлинной чудотворной иконы Богоматери «Достойно есть». Это та самая икона, в честь которой Церковь поет тропарь «Достойно есть» в конце каждой литургии. Велико почитание этой иконы в сердцах православных. Пожалуй, нет храма, в котором не было бы копии этой иконы. Но, возможно, не все знают, что первая часть песнопения «Достойно есть» была принесена нам архангелом Гавриилом. Он явился одному юноше-иноку, жившему в маленькой келлии близ Кареи, когда его старец ушел на всенощное бдение в Карейский собор. Тот юноша знал на память только одно песнопение и имел горячую любовь к Божией Матери. С приближением вечера, он в простоте сердца стал непрестанно петь: «Честнейшую херувим, и славнейшую без сравнения серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем». Вдруг постучали в дверь. Юноша-инок, увидев пришедшего «гостя», позволил ему войти. После того, как он спел ему свое любимое песнопение, «гость» сказал: — Мы не так величаем Богородицу.

— А как? — спросил инок.

— А вот как — сказал «гость» и пропел: «Достойно есть, яко во истину, блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего», — а после этого мы уже добавляем: «Честнейшую херувим».

В келлии не было ни бумаги, ни чернил, чтобы записать слова песнопения, так понравившиеся юному иноку. Тогда «гость», подойдя к каменной плите, написал на ней слова тропаря «Достойно есть» — перстом, и исчез. Когда вернувшейся старец спросил юношу, как же он даже не спросил «гостя» откуда он и как его звали, юноша ответил: «Прости, отче, я совсем забыл об этом. Только помню, что он назвал себя — Гавриилом».

Чудотворная икона «Достойно есть» находится на Горнем месте в алтаре церкви Протата. Паломники и братия монастыря, по окончании литургии, не спеша проходят через алтарь, и каждый прикладывается к чудотворному образу. Я заметил, что многие из паломников прикладывали маленькие иконки и нательные крестики к иконе «Достойно есть», веруя увезти с собой хоть эту малую частичку от этой святыни³⁶.

Карейское училище

Инок Парфений (Агеев) (1847 г.): «При Карее есть великое училище, в котором учатся иеромонахи и иеродиаконы, а простых монахов не принимают. Вся Карея стоит на ровном, открытом и здоровом месте»³⁷.

³⁴ Зайцев Б. К. Афон // Сочинения. Т. 2. М., 1993. С. 221.

³⁵ Н, игумен. Сокровенный Афон. М., 2002. С. 55.

³⁶ Фокин Георгий. Паломничество по святым местам // Православная Русь, 2001, № 16. С. 10.

³⁷ Парфений (Агеев), инок. Описание святой горы Афонской. Белый город, 2016. С. 19.

Архимандрит Антонин (Капустин) (1859 г.): «Я посетил училище Карейское — лучшее здание места. Нашел его пустым, прочитал прибитый на стене залы устав его — действительно такой, каким воображал его себе, говоря прежде — по поводу посещения развалин бывшей Ватопедской академии. Не удивился потому скудному числу его учеников, частой сменой его наставников, его малым успехам и еще меньшему значению в мнении поддерживающих его кое-как обителей. Начальником заведения и учителем на тот раз был вызванный из Афин иеромонах, слушавший богословие в университете. Пробыв на Афоне с год, он уже готовился тогда возвратиться в пленительные для сердца греческого Афины. Смею иметь убеждение, что ни Афины не годятся для Афона, ни Афон для Афин»³⁸.

Князь Михаил Волконский (1859 г.): «Училище помещается в удобном и просторном здании и имеет все нужное устройство: класс, скамейки, кафедры, даже библиотеку, но нет учеников; мне сказали, что они временно распущены; а в самом-то деле их когда-то собрали, потом скоро распустили и с тех пор не собирают; между тем с монастырей продолжают собирать на училище довольно большие деньги. Нет профессоров, и непонятно почему, когда на Афонской Горе ученых между греками очень много и, если бы захотели быть преподавателями, принесли бы большую пользу молодым монахам, жаждущим просвещения. При безмолвии на Св. Горе и трудолюбии монахов, многие сделались бы замечательными учеными для чести и пользы Православной Церкви»³⁹.

Русский Святогорец (1867 г.): «Мы вышли из собора теснимые толпой, в которой, кроме иноков и обитателей Кареи, виднелось и немало греков-островитян. В предшествии той же духовной процессии, Его Высочество (Великий Князь Алексей Александрович) направился в карейское богословское училище, находящееся на противоположной собору стороне афонской столицы. Улицы ее приняли на сей раз вполне праздничный вид: через них были перекинута, в нескольких местах, триумфальные арки из лавровых деревьев, украшенные цветами, флагами, вензелями и цветными фонарями; все карейское население высыпало на улицу и приветствовало гостя по-монашески — молчаливо почтительными поклонами. В училище высокий гость тоже был встречен приветственной речью; здесь вторично были представлены Его Высочеству г. Солунским консулом члены местного афонского Синода (Протата). Его Высочество с любопытством осведомлялся об устройстве и порядках этого правительственного места у хилendarского и зографского антипросопов, с которыми мог беседовать без переводчика, как со славянами (болгарами), говорящими изрядно по-русски. Во время краткого отдыха в училище, певчие пропели гостю приветствие и многолетие»⁴⁰.

Священник Иоанн Рыжановский (1867 г.): «Здесь есть училище, которое, впрочем, ничего особенного не представляет в настоящее время, потому что заботливость правительства о развитии здесь дарований юношества не вполне оправдывается, вероятно, по недостатку как желающих систематического образования, так и средств к достижению похвальных целей и предначертаний Протата. Здание училища прекрасно в сравнении с прочими карейскими»⁴¹.

Из записок А. А. Дмитриевского (1895 г.)

По сложности дел монастырских, обители необходимы были всегда и образованные люди из русских, для того, чтобы из них можно было иметь антипросопов для

³⁸ Антонин (Капустин), архимандрит. Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. С. 130.

³⁹ [Волконский М. Д.] Записки паломника. 1859 г. СПб., 1860. С. 349—350.

⁴⁰ Русский Святогорец. Двухдневное пребывание на Святой Горе Афонской Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича. Изд. 2-е. СПб., 1868. С. 16—17.

⁴¹ Описание путешествия священника Подольской епархии Иоанна Рыжановского в Иерусалим, его окрестности и на Св. Гору Афон. 1867 года // Подольские епархиальные ведомости, 1868, № 22. С. 726.

карейского кинота, где дела ведутся на греческом языке, *граматиков* (секретарей) для разбора и ответов на греческую корреспонденцию, для лиц, заведующих метохами и т. д. Вот поэтому-то, как о. Иероним, так потом и о. Макарий старались некоторым из братии, более способным и чувствующим любовь к науке, давать настоящее школьное образование. После всестороннего искуса на разных послушаниях, начиная с мытья тарелок, чистки картофеля на общебратской трапезе, ношения камней, исполнения обязанностей погонщика мулов, караульщика винограда и огородов и т. п., двадцатилетние юноши крестьяне и мещане отправляются на Карее и там засаживаются за греческий букварь.

Находясь под непрестанным руководством учителя-грека, эти юноши в течение шести-семи лет настолько изучивают эллинский язык, что владеют им потом свободнее, чем даже своим природным. Эти русские ученики наравне с учениками греками прослушивают полный гимназический курс в тамошней общеафонской школе⁴². под руководством опытных дидакалов, свободно слушают лекции на новогреческом языке, легко переводят Аристотеля, Платона и читают бегло творения святых отцов: Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова и других и иногда в успехах даже превосходят своих сверстников природных греков. Такую школу образования прошли выдающиеся деятели в обители св. Пантелеимона о.о. Нафанаил, Матфей, Агафадор и др.⁴³

<...> Были примеры, когда более даровитые иноки по окончании курса карейской школы, поступали в Афинский университет и оканчивали курс в наших Духовных Академиях. Таков бывший начальник Афинской русской миссии о. архимандрит Геннадий, постриженник русского Пантелеимоновского монастыря на Афоне, обучавшийся в Афинском университете, и кандидат С.-Петербургской Духовной Академии⁴⁴.

Н. Сергиевский (1899 г.): «В Карее находится единственное учебное заведение на Афоне, — эллинское богословское училище для монахов⁴⁵. В него принимается от каждого из монастырей не более, как по два молодых монахов, а потому общее число учащихся не превышает 30—40 человек. В училище обучают разным богословским наукам и даже латинскому и французскому языкам»⁴⁶.

И. Соколов (1904 г.): «Имеется на Афоне школа для молодых иноков, приготовляющихся к прохождению священных степеней. Она помещается на Карее, содержится на общие средства афонских монастырей и находится под руководством опытных педагогов из иноков. В среде ее питомцев находятся и русские монахи. Но курс нынешней афонской школы значительно уступает программе знаменитой ватопедской школы конца XVIII и начала XIX века, от которой ныне, к сожалению, остались одни развалины. В виду этого, некоторые монастыри посылают своих молодых иноков для обучения в Константинополь и Афины, а иногда и в Россию»⁴⁷.

КАСТАМОНИТ

Ранняя история монастыря неизвестна из-за отсутствия письменных источников. Впервые о монастыре упоминается в XI веке в золотой булле византийского импера-

⁴² Карейская монашеская школа, как гласит находящаяся на ней надпись, окончена постройкой 15 апреля 1844 года (прим. А. А. Дмитриевского).

⁴³ Дмитриевский А. А. Русские на Афоне. СПб., 1895. С. 146.

⁴⁴ Там же. С. 149—150.

⁴⁵ Была прежде еще школа при Ватопедском монастыре, но она сгорела и после того не возобновлена (прим. Н. Сергиевского).

⁴⁶ Сергиевский Н. Святая Гора Афонская. М., 1899. С. 97.

⁴⁷ Соколов И. Афонское монашество. СПб., 1904. С. 4.

тора Иоанна I Палеолога. В XIV веке Кастамонит, как и другие монастыри Афона, оказался разрушенным пиратами. С этого времени в монастырских актах часто упоминаются попытки монахов возродить разрушенный монастырь⁴⁸.

В 1584 году посланник Иоанна Грозного Мешенин подал в Кастамонит милостыни 50 братиям 80 рублей и 18 скитникам 5 рублей⁴⁹. «В самом начале царствования Феодора Ивановича отпущен был из Москвы чрез Смоленск Кастамонитский игумен Дионисий со старцем, — пишет епископ Порфирий (Успенский). — Но когда он приехал туда и что получил, это из дел не видно»⁵⁰.

Афонские старцы оказывали большую поддержку патриарху Никону в годы его опалы. В июне 1663 года разбиралось дело об архимандрите Кастамонитского афонского монастыря Феофане, который без царского разрешения ездил к Никону в Ново-Иерусалимский монастырь и передал ему мощи мч. Власия и грамоту от всех афонских монастырей; архимандрит Феофан был сослан в Кириллов-Белозерский монастырь⁵¹.

Иеросхимонах Сергей (Веснин) (Святогорец) (1847 г.): «Кастамонит, назад тому лет около десяти, святогорцы отдали в собственность русских, с тем, чтобы они поселились в нем и строго исполняли устав киновии; но Бог не благоволил исполниться пламенному желанию русских — иметь свою обитель на Св. Горе; их собственное неблагодарное оттолкнуло их навсегда от скромного Кастамонита, который по справедливости можно назвать единственным в отношении строгого уединения и глубокого отшельничества»⁵².

Инок Парфений (Агеев) (1860-е гг.): «Св. Горы отцы всегда предлагают русским, чтобы вошли в него жить, и взяли его под свое покровительство, и ежели бы взяли его русские, то поправили бы его, и можно бы много из него добра сделать. Я от многих слышал, что его выстроили сербские цари славянского языка, и завещали, чтобы греки в нем не жили, а проживали бы в нем всегда монахи славянского языка. Потому теперь греки в нем немногие живут, и ничего в нем не поправляют, оттого многое разрушается. Но русские еще теперь нужды не имеют, потому что все помещаются в русском монастыре св. великомученика Пантелеимона. А когда русские умножатся, тогда могут взять в заведование и этот монастырь»⁵³. А по словам А. Н. Муравьева, «было время, когда обитель совершенно находилась в руках русских пришельцев, которые были однако вытеснены по неудовольствию греков»⁵⁴.

Во время турецкого владычества на Балканах Кастамонит не избежал участи других монастырей: непосильные налоги в сочетании с пожарами поставили его на грань разорения. В начале XIX века (1819—1820) супруга турецкого военачальника Али-паши Василики, гречанка по национальности, оказала монастырю существенную экономическую помощь. Материальное положение монастыря удалось поправить и за счет России⁵⁵. Своим воссозданием он обязан в первую очередь деятельному игумену Кастамонита Симеону, в 1864—1865 годах собравшему множество пожертвований в Си-

⁴⁸ Цацинидис Панайотис. Афон и русский Свято-Пантелеимонов монастырь. Салоники, 2017. С. 146.

⁴⁹ Порфирий (Успенский), архимандрит. Второе путешествие по Святой Горе Афонской в годы 1858, 1859 и 1861, и описание скитов афонских. М., 1880. С. 269.

⁵⁰ Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Т. 1. М., 2007. С. 898. Сведения о сем предмете заимствованы из подлинных грамот царских и из книги под названием: Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858—60. Ч. I—II (прим. епископа Порфирия (Успенского)).

⁵¹ Романенко Е. В., Турилов А. А. Русско-афонские связи в XI—XVII вв. // Православная Энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 153.

⁵² Письма Святогорца о святой Горе Афонской. Изд. 8-е. М., 1895. С. 324.

⁵³ Парфений (Агеев), инок. Описание святой горы Афонской. Белый город, 2016. С. 47.

⁵⁴ Муравьев А. Н. Письма с Востока в 1849—1850 годах. Ч. 1. СПб., 1851. С. 268.

⁵⁵ Цацинидис Панайотис. Афон и русский Свято-Пантелеимонов монастырь. Салоники, 2017. С. 147.

бири⁵⁶. Об этом сообщает в своих записках архимандрит Порфирий (Успенский): «Игумен Симеон, в бытность мою у него в 1859 году, усердно просил меня ходатайствовать в Петербурге о дозволении ему собирать в России милостыню на обновление ветхой обители его. Такое дозволение было дано ему, и он собрал значительную толику рублей, особенно в Сибири и в Кяхте, где довелось ему побывать даже в кумирне и видеть идолов»⁵⁷.

Соборный храм Св. Стефана построен в 1860—1871 годах в афонском стиле. В храме хранится чудотворная икона Панагии Портаитиссы, совершившая немало чудес во время сбора пожертвований в России⁵⁸.

Архимандрит Иннокентий (1872 г.): «Со входа в обитель приятно поражает взор вчерне сооруженный новый храм в честь первомученика, много напоминающий петербургский греческий храм во имя великомученика Димитрия Солунского, на Лиговке. Вновь сооружена также и трапеза, но заботливому старцу настоятелю еще много предлежит трудов в подъятии на рамена полуразвалин древнейшей сей обители. <...> При прощании с отцом настоятелем мы выслушали лестный отзыв его о надеждах на Россию в устройстве и возобновлении древнего Кастамонита и получили на память листок с приглашением для пожертвований на сей предмет»⁵⁹.

Н. Ф. Сергиевский (1899 г.): «Соборный храм обители посвящен имени св. первомученика, архидиакона Стефана. Он недавней постройки, как и большая часть монастыря, возобновленного на собранные в России пожертвования»⁶⁰.

С. Германов (1912 г.): «Мы тронулись в пустынный Кастамонит, расположенный в некотором отдалении от морского берега, среди сплошной массы лиственного леса. Встреча, оказанная нам о. настоятелем и братией, была сердечна. Тотчас же пригласили в главный соборный храм, во имя архидиакона Стефана, обновленный несколько лет тому назад на средства, собранные в России константинопольскими сборщиками. В общей беседе о. архимандрит с несомненной искренностью выразил глубокую признательность неизвестным русским жертвователям, перед которыми считал себя в долгу и потому с особенной любовью оказывал гостеприимство всем русским посетителям. В заключение старец благословил наш путь, и, обменявшись знаками взаимной признательности, мы оставили пустынную благоустроенную греческую общежительную обитель»⁶¹.

⁵⁶ Кочетов Д. Б. Русско-афонские связи в XVIII—XIX вв. // Православная Энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 159.

⁵⁷ Порфирий (Успенский), архимандрит. Второе путешествие по Святой Горе Афонской в годы 1858, 1859 и 1861, и описание скитов афонских. М., 1880. С. 270.

⁵⁸ Цацанидис Панайотис. Афон и русский Свято-Пантелеимонов монастырь. Салоники, 2017. С. 147.

⁵⁹ Иннокентий, архимандрит. Путевые впечатления при посещении святых мест Палестины и Св. Горы Афона в 1872 году. Изд. 2-е. СПб., 1894. С. 161—162.

⁶⁰ Сергиевский Н. Ф. Святая Гора Афонская. М., 1899. С. 37.

⁶¹ Германов С. На Афон и Святую Землю. Ч. 1. На Афон. М., 1912. С. 414—415.